

РУССКОЕ НЕОКАНТИАНСТВО: КОНТЕКСТ И РЕЗУЛЬТАТ УТВЕРЖДЕНИЯ КРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В. И. Нестеров

Алтайский институт развития образования имени А. М. Топорова

Поступила в редакцию 30 апреля 2025 г.

Аннотация: автором предпринимается попытка исследования контекста развития русского неокантианства с целью определить, как идеи критической философии повлияли на русскую интеллектуальную мысль конца XIX – начала XX в. В статье акцентируется внимание на научном подходе к истории в немецком неокантианстве. Приводятся примеры отношения русских мыслителей к критической философии. Предлагается вариант внутреннего деления русского неокантианства на две группы (на основании точек зрения исследователей). Рассматривается позиция редакции журнала «Логос» относительно культурного кризиса и способа его преодоления. В результате определены области гуманитарного знания, которые активно развивались под воздействием идей русского неокантианства.

Ключевые слова: И. Кант, критическая философия, неокантианство, русское неокантианство, русская интеллектуальная мысль.

Abstract: the author attempts to research the context of the development of Russian neo-Kantianism in order to determine how the ideas of critical philosophy influenced Russian intellectual thought in the late 19th – early 20th centuries. The article focuses on the scientific approach to history in German neo-Kantianism. Examples of the attitude of Russian thinkers to critical philosophy are given. A version of the internal division of Russian neo-Kantianism into two groups is proposed (based on the views of researchers). The position of the editorial board of the Logos magazine regarding the cultural crisis and the way to overcome it is considered. As a result, areas of humanitarian knowledge that were actively developing under the influence of the ideas of Russian neo-Kantianism are identified.

Key words: I. Kant, critical philosophy, neo-Kantianism, Russian neo-Kantianism, Russian intellectual thought.

В эпоху Постмодерна и постправды границы между истинным и ложным становятся всё более размытыми. В таких условиях для человека и общества становится особенно важно иметь устойчивые мировоззренческие ориентиры. В связи с этим исследование и актуализация идей критической философии И. Канта по-прежнему имеют важное значение в мировой философии. В данной статье мы проанализируем то, как на процесс утверждения идей критицизма в русской интеллектуальной мысли повлияли внешние условия. В целом представители русского неокантианства выступали против догматизма, подчеркивали важность строгой научной методологии и отстаивали автономность философии, поэтому их установки по-прежнему остаются актуальными в условиях современных идеологических вызовов. При исследовании обозначенного предмета мы следуем историко-философскому подходу, который предполагает рассмотрение феномена русского неокантианства во взаимосвязи с другими философскими концепциями, а также с учетом влияния исторического контекста.

Решение поставленной задачи начнем с рассмотрения особенностей немецкого неокантианства, которое во многом послужило идейным источником для его русского варианта. Неокантианство – это философское течение, которое возникло и получило развитие в Германии во второй половине XIX – первой трети XX в. В границах этого направления происходило переосмысление учения И. Канта с учетом новых условий, в которых появились позитивизм и эмпириокритицизм. Неокантианство в целом принимало кантовскую теорию познания, согласно которой предмет познания «сообразуется» с познавательными возможностями субъекта, однако познание ограничивается возможным опытом. При этом неокантианцы, кроме представителей критического реализма, отказались от кантовского понятия «вещь в себе». В немецком неокантианстве возникли две философские школы: Марбургская (Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер) и Баденская (В. Виндельбанд, Г. Риккерт). Первая преимущественно занималась теорией познания, а вторая – теорией ценностей.

Основатель Марбургской школы Г. Коген полагал, что для понимания Канта с исторической точки зре-

ния недостаточно только установить, какие идеи он воспринял и как их переосмыслил. Помимо этого, важно принимать во внимание следующее: «Кант живет в том контексте, который мы должны воспринимать иначе, чем воспринимал он сам. Поскольку мы рассматриваем историю философии не с точки зрения истории литературы, но как идеал познания, который сам осуществляет философию, то мы исторически стоим на более высокой ступени, чем стоял сам Кант; так как его творение является нашим образованием» [1, с. 85]. Г. Коген считал, что философию И. Канта можно рассматривать как часть истории, тогда в его системе можно найти элементы, которые логически соединены с идеями других мыслителей, это позволит увидеть научно-историческую взаимосвязь [там же]. Вероятно, так можно будет проследить процесс объективного развития знания. В. Виндельбанд, основоположник Баденской школы, называл свою философскую систему критицизмом, потому что она в целом тождественна общей направленности кантовской философии. Одновременно с этим он подчеркивал, что «возвращение» к Канту не должно быть простым повторением исторически обусловленной формы, в которой он выразил идею критической философии. «Понять Канта – значит пойти дальше, чем он» [2, с. 21]. Таким образом, одно из главных различий между ортодоксальными кантианцами и неокантианцами заключается в отношении к философской системе И. Канта. Неокантианцы отмечают, что в кантовском учении есть стороны, которые связаны с исторической традицией, поэтому оно не лишено ошибок. Наиболее значимыми неокантианцы считают идеи Канта в области чистого познания, а именно принципы критицизма свободные от примесей догматизма. Неокантианство распространилось в разных странах, включая Россию, и оказало влияние на развитие философии и науки.

В конце XIX – начале XX в. в русской интеллектуальной мысли одновременно существуют и развиваются разные направления (русская религиозная философия, материализм, позитивизм, марксизм, символизм и другие). В этот период происходит русский религиозно-философский ренессанс, который характеризовался повышенным вниманием к религиозным вопросам. В это же время развивалась и другая линия мыслителей, которая не ограничивалась традиционными для русской культуры представлениями, а активно изучала различные направления западноевропейской философии, в частности кантианство и неокантианство. С формальной точки зрения, интерес к идеям критической философии выразился в увеличении количества изданий переводов работ самого Канта, а также трудов мыслителей различных школ западноевропейского неокантианства. Содержательным аспектом этого процесса стало то, что практи-

чески все направления русской философской мысли выразили свою позицию по отношению к кантианству, будь то положительную или отрицательную [3, с. 227]. Изучение работ Канта было неотъемлемой частью философского образования всех значительных русских мыслителей, независимо от их отношения к идеям критицизма [4, с. 283]. В. Н. Белов утверждает, что через этическое учение Канта русские мыслители прошли путь от материализма к православию. В качестве аргумента он приводит слова философа и богослова С. Н. Булгакова: «Должен сознаться, что Кант всегда был для меня несомненное Маркса, и я считал необходимым поверять Маркса Кантом, а не наоборот» [5, с. 28]. Возможно, такая точка зрения более характерна для представителя русской религиозной философии, которая по своей сути ближе к идеализму. Б. Пастернак в автобиографической прозе «Охранная грамота» рассказывает о своих духовных поисках во время путешествия по Европе. В ней он также пишет о специфике одной из немецких неокантианских школ: «Марбургское направление покоряло меня двумя особенностями. Во-первых, оно было самобытно, перерывало всё до основания и строило на чистом месте <...>. Вторая особенность Марбургской школы прямо вытекала из первой и заключалась в ее разборчивом и взыскательном отношении к историческому наследию...» [6, с. 22–23]. По его мнению, самостоятельность и историзм – две черты, объясняющие притягательность и оригинальность этой школы.

В научной литературе существуют разные точки зрения относительно того, насколько цельным и самодостаточным было русское неокантианство. В. Н. Белов в предисловии к переводу работы Г. Когена «Теория опыта Канта» справедливо замечает, что русскими философами не было создано собственной философской системы с опорой на идеи Канта. При этом тот факт, что их учения носят фрагментарный характер, не должен быть основным аргументом для того, чтобы отрицать их принадлежность к неокантианству [1, с. 46–47]. А. И. Абрамов считает, что историки русской философии «прямо и непосредственно» относят к неокантианству целый ряд русских мыслителей начала XX в.: А. И. Введенского, И. И. Лапшина, Г. И. Челпанова, С. И. Гессена, Г. Д. Гурвича, Б. В. Яковенко, Ф. А. Степуна, но, по его мнению, этот ряд условен, потому что термин «неокантианство» имеет двойной смысл и включает разные философские учения XX в.: одни авторы основываются на философии Канта XVIII в., другие – на принципах немецких неокантианских школ. Исходя из этого, он делает вывод о том, что «многих из вышеперечисленных русских неокантианцев можно считать просто кантианцами, т. е. последователями и продолжателями философского учения Канта» [3,

с. 227–228]. На наш взгляд, более убедительна точка зрения Л. Н. Столовича, который предложил выделять в русском неокантианстве две группы мыслителей: (1) академическое неокантианство, которое разрабатывалось и продвигалось профессором Петербургского университета А. И. Введенским и его последователем И. И. Лапшиным, а также ученым Московского университета Г. И. Челпановым. Они творчески развивали и обновляли учение И. Канта своими оригинальными идеями, причем независимо от немецких неокантианских школ; (2) к неакадемическому неокантианству Л. Н. Столович относил молодых людей, которые, напротив, учились философии в немецких университетах у основателей неокантианского движения (Ф. А. Степун, С. И. Гессен, Б. В. Яковенко). Представители этой группы выпускали международный философский журнал «Логос» на русском языке, который позиционировался как «сборник по философии культуры», направленный на противодействие современному культурному кризису [4, с. 285–296]. Итак, всех этих мыслителей объединяла приверженность к критической философии. Для условного разделения на группы можно использовать критерий принадлежности к академической науке, который позволит различать тех, кто опирался на оригинальное учение Канта, и тех, кто следовал современному для них немецкому неокантианству. Однако такое деление не позволяет считать их разными философскими школами.

В предисловии к первому выпуску русскоязычного издания «Логоса», вышедшего в 1910 г., Г. И. Гессен и Ф. А. Степун обозначили свою позицию, согласно которой философия должна носить научный характер. При этом редакция журнала не заявляла, что сборник будет специализироваться на каком-то конкретном философском направлении, однако в содержании выпусков преобладали статьи неокантианской тематики [там же, с. 294–295]. Во вступительной статье первого номера журнала редакторы не только сделали акцент на научности, но и выразили свое отношение к идейным оппонентам своего времени. Критика славянофилов ими сформулирована следующим образом: «Сознательно стремясь к синтезу, русская мысль бессознательно двигалась в направлении к хаосу и, сама хаотичная, ввергала в него, поскольку ею владела, и всю остальную культуру России» [7, с. 1]. Основная причина подмены подлинной философии заключалась в отсутствии свободы и автономии, именно поэтому принципы русской мысли не стали результатом последовательных теоретических изысканий, а черпались в основном из глубин внутреннего мира переживаний. А вот как оценивается позитивистское направление в русской мысли, которое относилось к философии с крайним недоверием и сомнением: «Тут не только не

было сознания автономии философии, но даже прямо провозглашалась необходимость подчинения ее иным, главным образом, этическим и политическим ценностям» [там же, с. 4].

Характеризуя ситуацию в целом, они отмечают, что главной причиной культурного кризиса является «отсутствие какого бы то ни было ясного и глубокого направления» в философии, которое основывалось бы на идее, согласно которой «синтез должен быть целью, а не исходным пунктом культурных исканий» [там же, с. 5]. Такая философия смогла бы привести иррациональные переживания в единую систему с научной структурой. При чем обязательной составляющей всей после-кантовской философии должна стать «мысль глубокой связи между понятием границы и свободы», потому что эта идея критицизма особенно значима в культурном отношении [там же, с. 6].

Редакция журнала дает оценку эпохи и отмечает, что происходит распад не только в общекультурном плане, но и в философском аспекте в частности: «Всюду интересные тонкие люди, оригинальные мастера философии, но нигде, даже в контурах, не намечается великой и мощной личности» [там же, с. 7]. Еще одной характерной чертой времени становится появление философских школ, отличающихся чрезмерной принципиальностью, узостью и односторонностью взглядов. Они отказываются от наследия прошлого, но в их работе сохраняется творческое начало: «Достигаются стройность и резкость понятий, совершенствуется техника абстрактного мышления, глубже чем когда-либо постигается наследие творческих времен, договаривается все недосказанное, вскрываются неосознанные противоречия, ставятся новые задачи» [там же, с. 9].

Так русские неокантианцы объясняют свое видение дальнейшего развития философии в России: в противовес эклектичному подходу, основанному на безусловном признании всего прошлого, консервировании его, и одностороннего взгляда на мир требуется «зрячая полнота», позволяющая осмыслить все существующие в культуре мотивы [там же, с. 10]. «Мы по-прежнему, желая быть философами, должны быть прежде всего западниками. Мы должны признать, что как бы значительны и интересны ни были отдельные русские явления в области научной философии, философия, бывшая раньше греческой, в настоящее время преимущественно немецкая [там же, с. 13]. Приобщить русскую культуру с ее особенностями к западной культуре – такую международную задачу ставит русское издание «Логоса».

«Простое ученичество» у Запада не приведет к возникновению собственной философской традиции. Необходимо «ученичество органическое», которое будет не только перенимать знания, но и через соб-

ственное творчество продвигать философию вперед [там же, с. 14]. Также они дают ответ на вопрос, почему этого еще не произошло: философская мысль должна быть независима, «в отсутствии этого сознания, а не в плохой выучке, и заключается причина нашей философской немощи». По этой же причине не следует «ставить себе целью русскую философию во что бы то ни стало». Такая формулировка будет нарушать «принцип автономии философии, подчиняя ее инородной ей ценности нации» [там же]. В результате журнал «Логос» становится платформой для объединения сторонников критической философии, что значительно повышает уровень научной культуры философских исследований в России.

В целом же представители русского неокантианства рассматривали свою философскую деятельность как важный шаг на пути формирования национальной философской школы и планировали стать связующим звеном между европейской и русской философией. Перед ними стояли три основные задачи: 1) создать истинно научную философию, которая была бы противопоставлена религиозной философии и материализму (как философии, направленной на достижение социальной справедливости); 2) сформировать в России традицию, которая бы объединила в себе богатство мировой философии и особенности русской культуры; 3) встроить эту новую традицию в мировую философию [5, с. 29].

Однако русское неокантианство так и не вышло за рамки проекта. Среди основных причин, которые не позволили этому направлению сформироваться в целостно оформленную систему, можно назвать непродолжительный период сравнительно благоприятных условий для реализации программных заявлений. Несмотря на это, неокантианство оказало значительное влияние на русскую интеллектуальную мысль в целом. Идеями критической философии интересовались известные ученые и деятели культуры, например С. Рубинштейн, С. Гессен, Б. Пастернак, А. Белый, А. Скрябин и др. [там же, с. 38–39].

В заключение отметим, что самостоятельное философское направление не должно ограничиваться дословной трансляцией идей предшественников, оригинальность возникает в момент переосмысления их концепции в новом контексте при решении актуальных вопросов. Русское неокантианство развива-

лось в условиях противостояния религиозной философии, материализму, позитивизму и эмпириокритицизму. Несмотря на наличие двух источников критической философии – кантианства и неокантианства, влияние немецких школ неокантианства скорее преобладало. В русском неокантианстве не образовалось отдельных школ, как это произошло в Германии. Предположим, что причинами этого стало отсутствие глубокой традиции изучения философии Канта, а также ограниченность времени, когда направление могло активно развиваться. Русское неокантианство во многом выполнило просветительскую функцию, подготовив основу для научного понимания мира. В результате принципы критической философии повлияли не только на русскую философию, но и на развитие методологии гуманитарных наук, таких как история, правоведение, социология, психология и педагогика.

Как известно, чтобы объяснить сущность феномена, необходимо обладать всей полной информацией о нем, но для гуманитарных наук это и представляет особую сложность, поскольку они исследуют многогранную человеческую культуру. Постепенное накопление и исследование всех текстов русских неокантианцев, написанных на разных языках в зарубежных изданиях «Логоса», а также неопубликованных рукописей, позволит более полно представить своеобразие русского варианта неокантианства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коген Г. Теория опыта Канта / пер. с нем. В. Н. Белова. М. : Академ. проект, 2012. 618 с.
2. Виндельбанд В. Избранное. Дух и история : пер. с нем. М. : Юрист, 1995. 687 с.
3. Абрамов А. И. О русском кантианстве и неокантианстве в журнале «Логос» // Кант и философия в России. М. : Наука, 1994. С. 227–247.
4. Столович Л. Н. История русской философии : очерки. М. : Республика, 2005. 495 с.
5. Белов В. Н. Русское неокантианство : история и особенности развития // Кантовский сборник : научный журнал. 2012. 1 (39). С. 27–39.
6. Пастернак Б. Л. Охранная грамота. Шопен. М. : Современник, 1989. 96 с.
7. От редакции // Логос : международный ежегодник по философии культуры (русское издание). М. : Мусaget, 1910. Кн. 1. 286 с.

Алтайский институт развития образования имени
А. М. Топорова

Нестеров В. И., преподаватель кафедры менеджмента в образовании

E-mail: nesterov.email@yandex.ru

Altai Institute of Educational Development named after
A. M. Toporov

Nesterov V. I., Lecturer of the Department of Management in Education

E-mail: nesterov.email@yandex.ru